

Л.В. Цурикова
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗНАНИЯ
И АНАЛИЗ ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2001 г. Л.В. Цурикова

Воронежский государственный университет

Повышенный интерес различных направлений современной лингвистики к изучению проблем межкультурного общения отражает актуальность исследования взаимодействия языка и культуры с позиций самых разных наук о человеке. Важнейшим аспектом изучения этого взаимодействия является анализ дискурсивной деятельности людей в условиях межкультурной коммуникации, акцентирующий социокультурную обусловленность этой деятельности и раскрывающий особенности мышления и вербального поведения носителей разных языковых культур. Помимо решения чисто прикладных задач, связанных, например, с формированием межкультурной коммуникативной компетенции у изучающих иностранный язык, данный подход также тесно связан с рассмотрением фундаментальных для современной науки проблем, таких как функционирование языка в обществе, участие языка в процессах концептуализации и естественной категоризации мира, формирование языковой картины мира. Утверждение в современной науке когнитивной парадигмы знания способствовало тому, что, исследуя указанные проблемы с самых разных точек зрения, ученые исходят из понимания языка как феномена, обеспечивающего доступ ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам мыслительного, познавательного характера. Поэтому анализ любого вида языковой деятельности раскрывает заложенные в ней бессознательно используемые когнитивные возможности и ресурсы, включая разного рода когнитивные модели и фреймы.

Изучение дискурсивной деятельности человека как представителя определенной социокультурной общности, а также рассмотрение любых аспектов меж-

культурной коммуникации (т.е. коммуникативного взаимодействия индивидов, представляющих разные социокультурные общности) связано с использованием в качестве базового концепта понятия “культура”, которое далеко не однозначно толкуется в современной науке.

Количество определений термина “культура” измеряется сегодня четырехзначными цифрами [2], поэтому предложить даже краткий обзор подходов к анализу стоящего за этим словом понятия не представляется возможным. Заметим лишь, что обычно понятие “культура”, используемое в различных областях и научных дисциплинах трактуется либо безгранично широко (Ср.: “Культура – совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей”. [7], либо предельно узко (“культура общения”).

Так, одна из когнитивных наук, изучающая культурно обусловленное поведение человека – когнитивная антропология, – традиционно использует термин “культура” наиболее интенсивно и специализированно. Однако, поскольку коммуникативное, и в частности, языковое поведение рассматривается в когнитивной антропологии лишь как один из многих видов культурно детерминированного поведения, принятое в этой науке определение культуры оказывается довольно свободным и включает разнородные и разноплановые понятия. Культура, например, определяется как “совокупность знаний, опыта, верований, ценностных установок, отношений, значений, иерархических связей, религии, понятий о времени, пространстве, ролях, концептов вселенной, а также материальных объектов и собственности, приобретенных группой людей в результате индивидуальных и совместных усилий” (the de-

posit of knowledge, experience, beliefs, values, attitudes, meanings, hierarchies, religion, notions of time, roles, spatial relations, concepts of the universe, and material objects and possessions acquired by a group of people in the course of generations through individual and group striving [20,12-13]

В другой формулировке определение культуры включает три основных аспекта: артефакты (материальные объекты, варьирующиеся от наконечников стрел до водородной бомбы, от факелов до электрических фонариков, от наскальных рисунков до картинных галерей, и т.д.); концепты (включая системы моральных установок и ценностей, таких как добро и зло, понятия Бога и человека, этика, понимание смысла жизни и т.п.); поведение (все, что относится к реализации концептов и установок). [8, 15]. Очевидно, что подобное определение культуры, являясь достаточно гибким и объемным, позволяет использовать его в качестве универсальной базы для описания широкого спектра явлений социальной жизни. Однако оно оказывается безгранично широким и избыточным при изучении конкретного феномена культурно обусловленного дискурсивного поведения индивида как процесса реализации социально релевантных (языковых и неязыковых) значений.

Поиски ответов на вопросы о том, что представляет собой культура с когнитивной точки зрения, какого рода знания можно считать культурно обусловленными, и какие знания необходимы человеку для того, чтобы эффективно пользоваться языком в процессе коммуникации, привели к тому, что в последнее время в рамках когнитивного подхода к изучению культурно обусловленных значений, выражаемых в процессе коммуникативной деятельности человека, сформировалось более узкое определение культуры как разделяемого всеми членами социокультурной общности знания. Культура рассматривается как совокупность знаний, которыми обладают представители данного социума, и которые обуславливают то, как они себя ведут, что делают и как интерпретируют свой опыт: “Culture is what a member of the social group knows – whether or not he is

conscious of the knowledge – that is also known by the other members of the social group” [14, 153]. Знания эти составляют основу “субъективной реальности” индивида (a person's “subjective reality” [14] и существуют, скорее, в форме презумпций, а не собственно “фактивных знаний”, хотя индивид воспринимает эти презумпции как известные ему факты. По определению Ю.С.Степанова, “культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” [6, 38], которые составляют структуру культуры, образуя синхронные и эволюционные семиотические системы. При этом концепты представляются как “сгустки культурной среды в сознании человека” [6, 40].

Содержащиеся в сознании индивида и актуализируемые в его дискурсивной деятельности знания являются крайне разнородными по характеру и включают как языковые, так и неязыковые знания. Они составляют оперативный фундамент коммуникативного поведения человека и являются необходимым условием осуществления речевой деятельности. Эти знания содержатся в долговременной и кратковременной памяти индивида, при этом в долговременной памяти находятся социально разделяемые знания (socially shared knowledge), называемые *долгосрочными знаниями* и составляющие *культурно релевантные знания* (cultural knowledge), а в кратковременной памяти помещаются *индивидуальные*, или *идиосинкратические знания*, связанные с личным опытом индивида (idiosyncratic knowledge). Обе ментальные структуры, связанные с хранением этих видов знания, находятся в динамическом взаимодействии, позволяя эффективно использовать их в процессе коммуникации. Тем не менее, считается, что общая стратегия коммуникативного поведения индивида базируется на долгосрочных (культурно релевантных) знаниях: конкретные (short term) выборы форм коммуникативного взаимодействия делаются из базового (long term) культурного репертуара [14, 153].

Выделяя два типа знаний, детерминирующих коммуникативное поведение

индивида, когнитологи пытаются решить проблему соотношения социального и индивидуально-психологического аспектов в культурно обусловленном знании о мире. Социально разделяемые культурно релевантные знания относят к сфере коллективного сознания, иногда определяемого в терминах “коллективного бессознательного” или “культурного бессознательного” (cultural unconscious) [9, 34-36] на том основании, что большинство этих знаний приобретается членами общества неосознанно в процессе ранней социализации и используется автоматически, и только небольшая часть этих знаний рационализируется, осознается индивидом, причем менее всего это происходит со знаниями собственно языковыми или связанными с использованием языка в процессе коммуникации.

По мнению D.Holland and N.Quinn, совокупность разделяемых членами социокультурного сообщества знаний организована в виде *культурных когнитивных моделей*, которые содержатся в сознании членов этого сообщества и которые могут сосуществовать с другими, личностными (идиосинкратическими) моделями опыта [15, 4]. Эти культурные когнитивные модели лежат в основе всех проявлений социального поведения человека, однако большинство направлений когнитивной науки рассматривает их только в отношении коммуникативного поведения – внимание исследователей сосредоточено на том, *что необходимо знать* человеку, чтобы адекватно, с точки зрения данной культуры, *говорить* о мире.

Некоторые авторы разделяют культурные когнитивные модели на модели, необходимые для говорения, и модели, лежащие в основе других видов социального поведения, а также выделяют “модели для” (models for) и “модели чего-либо” (models of), которые называют “оперативными” (operational) и “репрезентативными” (representational) моделями [13], указывая, что “репрезентативные” модели, представляющие знания о мире, люди могут более или менее осознавать и объяснять, в то время как “оперативные” модели, регулирующие поведение человека в определенной ситуации, как правило, не осознаются. При этом “репрезентативные”

модели не обязательно лежат в основе “оперативных” моделей, а “оперативные” модели, в свою очередь, не обязательно связаны с “репрезентативными”.

Представляется, однако, что если рассматривать структуры знания как одновременно интерпретационные и целеобуславливающие, то их непродуктивно анализировать в терминах “моделей чего-либо” и “моделей для чего-либо” (“репрезентативных” и “оперативных” знаний). Скорее, можно говорить о том, что глубинные структуры знания, часто одни и те же, используются для решения различных когнитивных задач: иногда они служат для определения целей собственных действий индивида, иногда – для интерпретации действий и целей других, иногда – для вербализации промежуточных этапов в достижении цели, и т.д. Таким образом, эти структуры знания оказываются связанными как с вербализацией опыта и коммуникативным поведением индивида, так и с его невербализованным опытом и поведением вообще, а также с интерпретацией поведения других. При этом многообразные когнитивные задачи – и основные (первичные), и побочные (вторичные) – решаются одновременно.

Чаще всего культурные когнитивные модели описываются в терминах “фреймов”, “схем”, “скриптов” или “сценариев”, при этом в настоящее время, независимо от употребляемого термина (“фрейм”, “скрипт”, “сценарий”, “схема”) и его трактовки, культурные когнитивные модели связывают с понятием “прототипа”, занимающим важное место в когнитивном анализе форм представления знаний. С точки зрения теории прототипов, последовательности событий, имеющих место в “упрощенных мирах”, служат в качестве прототипов для понимания событий в реальном мире. Эти прототипы представлены в сознании человека в виде структур знания (фреймов, скриптов, сценариев и т.п.), системно организующих его социальный и индивидуальный опыт, определяющих его понимание того, как устроен и функционирует внешний мир, а также составляющих мотивационную базу его индивидуального поведения [21; 16].

Развивая точку зрения Дж. Лакоффа, который предлагает разделять модели знания на пропозициональные (propositional) и образно-схематические (image-schematic) [19], Holland and Quinn [15] считают, что культурные когнитивные модели репре-

зентации знания так же бывают двух видов: пропозиционально-схематические (proposition-schema) и образно-схематические (image-schema). Термин “модель” в их интерпретации обозначает прототипическую последовательность событий в упрощенном мире (prototypical event sequence embedded in a simplified world [15, 24], а термин “схема” используется для обозначения совокупности вторично концептуализированных компонентов модели для решения отдельных когнитивных задач (schemas are reconceptualizations of given cultural models for particular cognitive purposes [15, 24]. Пропозициональная схема – это комплекс (“схема”) релевантных пропозиций, в которых уточняются концепты и отношения между ними. Пропозициональные схемы входят в состав культурно разделяемых знаний и понятны всем членам культурного сообщества – они обеспечивают быстрое получение выводного знания (inference) в знакомых ситуациях. Образные схемы представляются в качестве гештальтов, подобных визуальным образам. Кроме визуальных компонентов, они также могут содержать кинестетическую информацию разного рода (например: “Our knowledge about candles includes a long, thin object schema” [19, 10]¹).

Культурные когнитивные модели и в форме пропозициональных схем, и в форме образных схем представляют различные типы *идеализированных* событий, их составных частей, участников и отношений между ними в упрощенном виде. При этом Ч.Филлмор отмечает, что наши “упрощенные” миры (simplified worlds) дают нам контекст для понимания, а Дж.Лакофф указывает, что эти предполагаемые/идеализированные миры упрощаются по-разному, и что эти различные виды упрощения, в свою очередь, по-разному направляют наше восприятие и понимание действительности.

¹ Дж. Лакофф считает, что в когнитивном моделировании такого рода важную роль играют метафоры и метонимия, адаптируя пропозиционные схемы и образные схемы из одной области к соответствующим структурам в другой области: например, из области физического мира в область нефизическую – социальную или психологическую (ср.: “Anger is conceptualized image-schematically in terms of hot liquid a container” (Lakoff 1984: 10)).

Принимая все это во внимание, можно говорить, что культурные когнитивные модели включают наборы прототипических последовательностей пропозиций о событиях в “упрощенных мирах”, в которых осложняющие факторы и возможные варианты отходят на задний план (“подавляются”). Эти “идеальные миры” упорядочиваются и упрощаются посредством имплицитных пресуппозиций относительно того, как такие пропозиции могут быть связаны друг с другом². Предсказуемость последовательностей событий, имеющих место в “упрощенном мире” культурной когнитивной модели, позволяет охарактеризовать этот мир не только посредством отдельных пропозициональных схем, но также при помощи меньшего количества более сложных, комплексных, схем, включающих блоки пропозиций и каузальные отношения, в которых эти пропозиции состоят. Все, что человеку необходимо узнать, запомнить и сообщить о мире значительно сокращается при “упаковке” в такие блоки. Далее, культурные когнитивные модели могут взаимодействовать друг с другом: одна схема может служить элементом другой схемы³. Подобная организация культурно разделяемого знания, таким образом, адаптирована к требованиям кратковременной памяти человека. Для выполнения конкретной когнитивной задачи индивиду необходимо извлечь и удержать в сознании (активизировать) только небольшой набор релевантных параметров в количестве, не превышающем пределов кратковременной памяти для хранения информации.

Иерархическая структура, в которой модели с широкой сферой применения являются элементами моделей, действующих

² Ср.: *because AN OFFENCE TO A PERSON PRODUCES ANGER IN THAT PERSON, and because RETRIBUTION CANCELS AN OFFENCE, then predictably, ANGER DISAPPEARS WHEN RETRIBUTION IS EXACTED* (Holland and Quinn 1987: 32).

³ Например, для того, чтобы понять, имеет ли место ситуация купли-продажи, человеку необходимо осознать наличие необходимых для этого события компонентов, таких как “покупатель”, “продавец”, “продавец”, “товар”, “цена”, “предложение”, “спрос” и др., каждый из которых, в свою очередь, включает в себя множество составных компонентов и в то же время может быть компонентом других интерактивных ситуаций.

в различных областях человеческого опыта, имеет значение и для долговременной памяти. Модели “широкого спектра действия” существенно сокращают объем культурно релевантных знаний, которыми человеку необходимо овладеть для адекватного функционирования в рамках того культурного сообщества, членом которого он является. В то же время, именно модели “широкого применения”, служащие в качестве компонентов для многих других моделей и обуславливающие “типичность” и сходство стратегий и форм коммуникативного поведения представителей одной социокультурной общности, придают языковой культуре ее отличительные черты и позволяют говорить о существовании культурно обусловленных когнитивных “структур ожидания”, детерминирующих многие стратегии дискурсивной деятельности, характерные для носителей одной речевой культуры. Такой подход позволяет также представить, каким образом в процессе коммуникативного взаимодействия между членами одного сообщества возникает разделяемая ими социально-культурная интерпретация коммуникативных смыслов и создается *социальное значение* (social meaning) [15], лежащее в основе языковой конвенциональности и процесса семиозиса в целом.

Именно с учетом этого определение культуры как “совокупности значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупности носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения” [5, 218] может быть использовано для когнитивного и коммуникативного изучения дискурсивной деятельности, понимаемой как обмен социально и культурно значимой (конвенциональной) информацией.

Особое значение при этом приобретает вопрос о культурной обусловленности социально-прагматических параметров коммуникации, предполагающий рассмотрение дискурсивной деятельности как отражение формами языка национальной картины мира и системы культурно детерминированных значений. Такая постановка проблемы, а также понимание того, что многие специфические особенности на-

ционального образа мира, отражающие неосознаваемые носителями языка знания, не могут быть полностью выявлены в рамках монокультурного описания, объясняют то повышенное внимание, которое современная теория дискурса уделяет изучению различных аспектов межкультурной коммуникации.

Традиционно проблема соотношения языка и культуры в когнитивном аспекте рассматривалась в рамках лексической семантики. Результатом сопоставительного семантического анализа при этом оказывались таксономические или парадигматические дескрипции областей лексического значения, включающие, наряду с другими, и культурно обусловленные компоненты, отражающие национальную картину мира на уровне слов и словосочетаний (реалии, имена собственные, лексические единицы с коннотативным или символическим значением, фразеологизмы, афоризмы, пословицы, поговорки, “ложные друзья переводчика”, табуированная лексика). Однако один анализ структуры лексического значения не позволяет полностью выявить различия в когнитивной базе коммуникантов и объяснить культурно обусловленное коммуникативное поведение отдельного индивида как представителя социокультурной общности, поскольку для адекватного использования языка в естественной коммуникации недостаточно только знания значения слов, грамматики и правил произношения – адекватное коммуникативное поведение требует также знания принятых в данной языковой культуре ценностных ориентаций, установок и допущений, норм и ролей социального поведения и приемлемых отклонений от них.

В современной лингвистике и когнитивистике базой данных для когнитивного анализа культурно обусловленных знаний, лежащих в основе коммуникативного поведения индивида как члена определенного социума, является анализ дискурса – процесса естественной человеческой коммуникации. При этом индивид рассматривается в качестве активного носителя как общественного, так и индивидуального, характерного только для его психической организации, сознания. Как носитель ин-

дивидуального сознания, он вносит свой вклад в общественное сознание, в том числе и через культуру, в которой “отстаивается все, что нормируется, канонизируется, институционализируется и пр. Через культуру, как через фильтр, идет и обратный процесс – обогащение индивидуального сознания за счет сознания общественного. Такое взаимное обогащение в значительной мере является плодом общения – не только как деятельности и составляющей механизм социального взаимодействия, но и как процесса, связанного с непрерывной трансляцией и преобразованием текстов” [3, 208]. Дискурсивное поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определенной языковой и социокультурной общности и может рассматриваться как реализация в процессе интеракции, наряду с индивидуальными, культурно детерминированных социально релевантных значений языкового и неязыкового характера.

Исследование межкультурного дискурсивного взаимодействия, рассматриваемого как процесс общения между коммуникантами, являющимися носителями разных языковых культур и, как следствие, разных культурных когнитивных моделей, ведется сегодня преимущественно с позиций социопрагматического подхода и представляет собой совершенно новое направление в анализе дискурса. Помимо собственно прагматических концепций, основу этого направления составляет также современный когнитивный подход к рассмотрению взаимоотношений языка и культуры, базирующийся на определении культуры как разделяемого всеми членами социокультурной общности знания, которое мы подробно рассмотрели выше. Именно с этих позиций изучается дискурс в рамках контрастивной и межкультурной прагматики, а также “этнографии коммуникации”.

В фокусе внимания “этнографии коммуникации” (Ethnography of communication) находятся культурные особенности дискурсивного поведения индивида, а используемые в процессе коммуникации языковые формы рассматриваются как средство реализации системы культурно

обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума пресуппозиции, оценки и ценностные ориентации. Описание релевантных для культурного сообщества коммуникативных факторов ведется с “эмических” (emic), а не с универсалистских позиций, т.е. в терминах и с позиции описываемой культуры. Единицей анализа является “коммуникативное событие” [17], включающее любое количество прагматически когерентных как на микро-, так и на макро-уровне, речевых актов. При таком подходе дискурсивная деятельность индивида трактуется как культурный феномен, а контекстное значение считается не просто социально, но социокультурно детерминированным. Объектом изучения в этнографии коммуникации обычно становятся “культурно окрашенные” коммуникативные события, фиксируемые в условиях естественной спонтанной устной коммуникации, часто с применением метода “включенного наблюдения” (participant observation) и привлечением информантов для анализа их собственного дискурсивного поведения [22; 17]. Применение нетрадиционных методов исследования позволяет получить интересные результаты, однако, поскольку языковые аспекты коммуникативной деятельности в этнографическом описании рассматриваются в одном ряду с другими – невербальными – способами взаимодействия, лишь отдельные наблюдения этнографов коммуникации оказываются применимыми к задачам когнитивного анализа языка.

Основной задачей контрастивно-прагматического анализа является выявление культурно обусловленной вариативности в реализации отдельных речевых актов на основе сопоставительного анализа конкретных дискурсивных событий в различных языковых культурах. Примером такого подхода может служить контрастивное описание способов реализации речевых актов просьбы, извинения, выражения благодарности и жалобы в разных вариантах английского языка, аргентинском варианте испанского языка, немецком языке и иврите, осуществленное в рамках широкомаштабного проекта CCSARP (Cross-Cultural Speech Act Realization Project) [12; 10]. В

фокусе контрастивного прагматического описания находятся исследование сходств и различий в реализации речевых актов в разных языковых культурах, изучение влияния социальных факторов на коммуникативные стратегии выполнения дискурсивных действий, а также анализ различий в способах выполнения речевых актов носителями разных языков. Результаты этих исследований свидетельствуют о значительной социокультурной вариативности дискурсивных стратегий осуществления речевых актов в различных языковых культурах и позволяют говорить о существовании характерных для каждой культуры интеракционных стилей (*culturally distinct interactional styles*) [11].

В то же время, по мнению А.Вежбицкой, контрастивно-прагматическое описание, констатирующее поверхностные различия в способах и стратегиях реализации речевых актов в разных языках, страдает этноцентризмом, принимая за точку отсчета американскую и английскую речевые культуры, и уделяет недостаточно внимания глубинному анализу причин этих различий и их возможных последствий для успешности межкультурного общения. В свою очередь, она предлагает вести анализ культурных различий в способах осуществления дискурсивной деятельности с единых, универсальных и нейтральных, позиций, исходя из того, что в различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причем не только с точки зрения лексики и грамматики; что различия способов речевого поведения глубоки и образуют систему, отражая различные культурные ценности или, как минимум, различия в иерархии ценностей [1, 682]. Поскольку «речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, не могут быть удовлетворительным образом описаны (тем более объяснены) в чисто «поведенческих» (*behavioral*) терминах, так как в действительности они представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил», или «культурных сценариев» [1, 682], А.Вежбицка считает, что для того, чтобы понять способы речевого поведения данного общества, необходимо выявить и

четко определить его имплицитные «культурные сценарии». Для целей такого описания она предлагает использовать мета-язык семантических примитивов, разработанный первоначально для грамматических и лексических толкований. Распространяя принцип единства семантического метаязыка на иллокутивные значения, А.Вежбицка вводит в лингвистическую прагматику метод «культурных скриптов» (*Cultural Scripts Approach*), позволяющий, по ее мнению, обнаруживать и фиксировать различия в семантической концептуализации коммуникативных значений в разных речевых культурах и тем самым объяснять несовпадение дискурсивных стратегий у носителей разных языков [24; 25; 23; 26; 27].

В своей концепции А.Вежбицка старается сочетать социопрагматический и когнитивный подходы к изучению культурно обусловленной дискурсивной деятельности людей. Рассматривая эту деятельность в терминах речевых актов, реализующих дискурсивные стратегии участников общения, обусловленные особенностями семантической концептуализации коммуникативных значений в разных языковых культурах в рамках «культурных скриптов», она тем самым описывает структуру репрезентации различных видов знания, которые детерминируют выбор конкретных языковых форм в процессе дискурсивного взаимодействия.

Метод А.Вежбицкой хорошо отражает современные тенденции в изучении дискурса, связанные с формированием новой коммуникативно-когнитивной парадигмы его исследования [4]. Поскольку процесс коммуникации не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, то становится очевидной необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций. А так как многие специфические особенности образов мира носителей разных языков не могут быть выявлены в рамках монокультур-

ного описания, особое значение приобретает контрастивное и сопоставительное когнитивно-прагматическое изучение дискурса. Исследование дискурсивной деятельности с таких позиций дает возможность по-новому подойти к традиционной проблеме соотношения языка и культуры и сосредоточить внимание на коммуникативных и когнитивных явлениях, до последнего времени не попадавших в поле зрения исследователей

Изучение дискурсивной деятельности человека в условиях межкультурной коммуникации с когнитивной точки зрения дает возможность описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, а также их влияние на языковые стратегии дискурсивной деятельности, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Такой подход к анализу дискурса напрямую связан с решением задачи изучения языкового образа мира, поскольку позволяет рассматривать дискурсивную деятельность человека как отражение в формах коммуникативного поведения национальной картины мира, а используемые в процессе коммуникации языковые средства – как способ выражения системы культурно обусловленных значений, репрезентирующих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции, оценки и ценностные ориентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М.: "Языки русской культуры", 1999.
2. Гуревич П.С. Культурология. - М., 1996.
3. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М., 1980.
4. Кубрякова Е.С. Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. Материалы круглого стола. - М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. - С. 3-10.
5. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. - М.: Изд-во политической литературы, 1992.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.
7. Толковый Словарь Русского Языка под ред. С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой. М. 1992.
8. Almaney A.J. and Alwan A.J. Communicating with the Arabs. Waveland Press, 1982.
9. Barnulnd Dean C. Communication in a Global Village // Intercultural Communication. Belmont et al.: Wadsworth Publishing Company, 1997. pp. 27-36.
10. Blum-Kulka S. and Kasper G. Interlanguage Pragmatics. Oxford: Oxford University Press. 1993.
11. Blum-Kulka S. Discourse Pragmatics// van Dijk T. (ed). Discourse as Social Interaction. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997. pp. 38-63.
12. Blum-Kulka S., House J. and Kasper G. Cross-Cultural Pragmatics. Norwood, NJ: Ablex, 1989.
13. Cows P. Operational, representational, and explanatory models // American Anthropologist, 1974. №76(1). pp. 1-11.
14. Fawcett R. System networks, codes, and knowledge of the universe.// R.Fawcett, M.A.K. Halliday, S.Lamb, A.Makkai (eds.) The Semiotics of Culture and Language. V.2. London and Dover N.H.: Frances Pinter, 1984. pp.135-179.
15. Holland D. and Quinn N. Cultural Models in Language and Thought. London, New York et al.: Cambridge University Press, 1987.
16. Hudson R.A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
17. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
18. Hymes D. Towards Ethnographies of Communication: The Analysis of Commu-

nicative Events. // *American Anthropologist*, 1964. №66. pp. 1-34.

19. Lakoff G. *Classifiers as a Reflection of Mind: A Cognitive Approach to Prototype Theory*. Berkeley: University of California Institute of Human Learning, 1984.

20. Porter R. and Samovar L. *An Introduction to Intercultural Communication. // Intercultural Communication*. Wadsworth Publishing Company, 1997. pp. 5-26.

21. Rosch E. *Classification of Real-world Objects: Origins and Representations in Cognition* // S.Erlich and E.Tulving (eds), *La Memoire semantique*. Paris: Bulletin de Psychologie, 1976.

22. Saville-Troike M. *The Ethnography of Communication*. Oxford: Blackwell, 1982.

23. Wierzbicka A. "Cultural Scripts": a new approach to the study of cross-cultural communication. // M.Putz (ed.) *Language*

Contact and Language Conflict. Amsterdam: John Benjamins, 1994. pp. 67-87.

24. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1991.

25. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

26. Wierzbicka A. *Semantics, Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

27. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.